

Максим Евсеев

НИТИ ЖИЗНИ

фантастическая повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Евсеев

Нити жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Евсеев М. С.

Нити жизни / М. С. Евсеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мир не всегда такой, каким кажется. Эта история является продолжением повести Страх и еще одной попыткой осмыслить нехитрую мысль о том, в каком мире мы живем и умираем, и не является ли наша жизнь слепком нашего о ней представления. Сам того не желая, я внес в это произведения элементы фантастики, боевика и детектива. Или моего представления о них. Содержит нецензурную брань.

Нити жизни.
Глава первая

Осень. Прозрачная московская осень. Почему осень? Да, потому что после зимы наступает весна, а за летом следует осень. После бессмысленных трат, приходит безденежье, а многолетнее занятие тем, в чем ты ничего не понимаешь, сменяет поиск нового места – таково течение жизни.

– Какие обязанности вы выполняли на прежней работе? – Начальник отдела кадров, задала этот вопрос из вежливости, уже и так было понятно, что эту должность Антону не получить.

– Ну... – Как же описать, чем он занимался? – Моя задача была держать связь с клиентами и убеждать их продолжать сотрудничество с нашей компанией.

Женщина смотрела на него устало и немного раздраженно.

– Какое у вас образование?

– Это есть в моём резюме. – Он попробовал сказать это иронично, а вышло грубо. Что бы исправить положение выдал из себя улыбку. Краем глаза Антон видел свое отражение в большом зеркале. Там отражался уже не молодой, плохо выбритый, сутулый тип, в помятом пиджаке с очень необаятельной гримасой на лице. Он машинально провел рукой по щеке.

– Исторический факультет педагогического университета. – Добавил он басом, пытаясь сгладить ситуацию.

– А ваша компания, чем занимается?

– Бухгалтерский учет и аудит.

– Хорошо. Мы вам позвоним.

Антон поднялся.

– Спасибо. – И вдруг добавил не к месту. – А где у вас можно руки помыть?

– По коридору направо, в самом конце. – казалось, что в первые за весь разговор, в её глазах мелькнула заинтересованность.

Он уже выходил из комнаты, но вдруг развернулся.

– Вы извините, что отнял у вас время... Я понимаю, что у меня нет никаких навыков, но я подумал, что надо попробовать, надо цепляться за любую возможность. Так ведь? Увидел объявление и послал резюме. Я, в сущности, ничего там не придумывал, все написал, как есть...

Он опять сбился. А что он, собственно, хотел ей сказать? Пожаловаться на жизнь? Пообещать, что быстро всему научится, если ему дать возможность. Попросить любую, хоть какую-нибудь работу? Он помолчал пару секунд, глядя в её, то ли удивленные, то ли испуганные глаза. – Вы залили драцену. Этот цветок поливать надо не чаще раза в неделю. И ещё ей холодно. Её надо бы переставить. Извините.

– Мы вам позвоним! – Она почти прокричала это ему в спину, когда он уже вышел в коридор.

Антон, какое-то время плутал по этажу в поисках лифта, потом долго копался в карманах, пытаясь отыскать пропуск, чтобы выйти из здания, вежливо попрощался с охранником, стоящим у турникетов и вышел на улицу.

Осень. Прозрачная московская осень. Высоко в небе летел самолёт.

Антон почувствовал, что устал. Ноги сами принесли его на скамейку и сами же подогнулись, так чтобы он на неё удобно присел.

Он достал сигарету и стал хлопать себя по карманам.

– Огня ищешь, браток? – Рядом сидел старый дед. Вернее, не то чтобы старый, а скорее выдавший виды. У таких возраст угадать трудно. Антон бросил взгляд на его руки. Так и есть – в наколках.

– Всё было. – Улыбнулся тот, проследивши куда смотрит Антон. – Держи. – Он протягивал ему спички.

Коробок был весь измят.

– Есть у меня и зажигалка, но спички надёжнее. И запах мне нравится – родной он, какой-то.

Спичка зажглась сразу, и Антон затянулся. Потом вернул спички владельцу, и тот, как-то ловко, одним движением, опустил их в карман. Сам прикуривать не стал.

– Вам сигарету?

– Благодарю. – И опять таки, не стал прикуривать, а сунул сигарету вслед за зажигалкой. – Чего смотришь? – Улыбнулся, заметив удивление. – Ты предложил. Я не отказался.

Помолчали.

– Нда... – Выдохнул Антон.

– А то! – Согласился дедок.

Хорошо так они сидели, по-мужски. И чего говорить, когда и так всё понятно? Вернее, ничего не понятно, но всё предельно ясно и не вызывает никаких противоречий.

– Проблемы, поди?

– Да, вот работу ищу.

– Хм... А это ты неправильно говоришь.

Антон повернул голову на своего случайного собеседника. – Станный он какой-то. – Промелькнуло у него в голове. – Ох, странный.

– А что? Не так? Работу чего искать – дело-то всегда найдётся. Вон мужики асфальт кладут. Дуру, какую-то здоровую, тащат. Не знаю, что это, но видно, что тяжёлая. Пойди, да помоги, вот тебе и работа. Когда человек говорит, что ищет работу, он либо денег ищет, либо себя. То бишь, судьбу свою ищет. Ты вот знаешь чего тебе надо?

Антон задумался. – Действительно, а чего ему надо? Ему надо, чтобы ничего не менялось? Чтобы его не уволили? Ему надо, чтобы он всю жизнь сидел на том же самом стуле, у того же телефона и компьютера? Получать одну и ту же невеликую зарплату? Всю оставшуюся жизнь надеяться, что ему улыбнётся удача? А какая она должна быть, эта самая удача? – Столько вопросов и у него нет на них ответа. Он не заметил, как сигарета дотлела до фильтра.

– Не знаю...

– А может тебе и не надо ничего?

– Может...

– Крыша над головой есть?

Антон вспомнил, что вчера отдал деньги квартирной хозяйке, она уезжала в Белоруссию к родне, и он сам уговорил её взять деньги за два месяца.

– Пока есть.

– Так она и нужна тебе пока. Потом сменяешь крышу на крышку. Добрые люди заколотят и помянут. Выпить хочешь? – Его странный знакомый достал из своего вместительного кармана чекушку.

Выпить хотелось. Вот только что он понял, как хочется открутить крышку и опрокинуть чекушку с прозрачным ядом в себя. Растревожить желудок в котором с утра кроме чая ничего не было, обжечь язык и нёбо. Хотелось, чтобы зашумело в голове и мрачные мысли отступили на второй и третий план. Чтобы пришло приятное отупение и эти мысли остановили в его голове свой диковатый хоровод, а на первый план вышла только одна успокоительная мысль и станцевала про то что всё не важно, и оно, это самое неважное, в конце концов, наладится. Антон оглянулся, неподалёку скучала парочка блюстителей.

– Заберут.

– Эти-то? – Его собеседник весело посмотрел на полицейских. – А зачем им тебя забирать? Что ты за ценность такая, и на что им сдался?

– Ну, не положено, вроде как, закон же нарушаем. – Сказал Антон, и вдруг понял, что чекушка уже у него в руках.

– Закон? Я расскажу тебе про закон. Однажды учёные ребята решили провести эксперимент: собрали стадо молодых поросят, и добавили им в лохань со жрачкой, какого-то пойла... пива, там или водовки. У них, конечно, в стаде был самый главный паханчик свинорылый. Вот он, как самый борзый, подошёл первый, принялся, да и давай лакать. За ним другие, перепились, понятное дело, и начали бузить: – носятся, отношения выясняют. Самый главный пробует порядок навести, а его на хер посылают: не слушаются, в драку лезут – никакого, в общем, уважения. Ну, потом у них отходняк, похмелье, стало быть. Им опять в лохань этого пойла. Только тут уж ихний пахан смекнул, что давать им напиться, никак не возможно. Носится вокруг корыта, отгоняет остальных хрюкает на них злобно. А потом и вовсе лохань ту опрокинул. Вот тебе и весь закон. Понял?

– Ничего не понял.

– А чего тут понимать? Закон для них – И дедок махнул рукой куда-то, то ли в сторону полицейских, то ли наверх. – Это когда ты в их дела не лезешь и уважение к ним проявляешь. Они его ещё сто раз поменяют. А твое дело не бузить и пахана слушаться. А пьяный ты или трезвый, им это по барабану. Им на твою больную печень, строго говоря, начхать – лечить они тебя, всё равно, не будут.

– А зачем ты тогда рассказал про свиней?

– Это я для наглядности. Ты же не свинья. А менты ... Поменьше на них смотри. Они не паханы, а поросята. Им тоже выпить охота. Чего ты бутылку греешь? Или передумал пить? Если ты про стакан, то нету у меня. Прямо из горла, давай.

Странная была чекушка. Сверху как сургучом запечатанная, а на этикетке надпись: "Казенное вино. Самарская губерния. 1/100 ведра"

– Не бойся. Пей.

И Антон выпил.

Ничего страшного с ним не произошло. А только стало на душе спокойнее. Может от того, что сегодня с его заботами и беготнёй было закончено, а на смену ему пришло приятное созерцание осени, и этот день можно было заменить любым, из когда-то прожитых и попытаться его повторить. Ничего из этого конечно не выйдет, но на какой-то момент ты вернёшься назад на десять или пятнадцать лет. И покажется, что вся жизнь ещё впереди, и вот-вот из сентябрьского прозрачного воздуха соткётся фигура той единственной, имя которой ты и назвать не сможешь, но при одном её появлении ты станешь персонажем из прекрасной, так и не написанной тобой, книги.

Он обернулся к своему новообретённому приятелю и оглядел его. Справа от него на скамейке сидел мужчина средних лет. И почему он окрестил его "дедком"? Он выглядел не намного старше Антона. Вот только одет странно, а в глазах его угадывался совсем другой возраст. Вековой, запредельно старый опыт. Тот тоже обернулся на него. Глаза у него были черные. Улыбающиеся, но не весёлые. Впрочем, и страха он не внушал.

– Так зачем ты ушёл со старой работы, если новую ты искать не хочешь?

– Я не ушёл, меня выгнали.

– Ну, это я понял. Но я спросил – Зачем ты ушёл?

– Ну, а как же .. если выгоняют?

– Тебя, когда-нибудь посылали? На хер, например, посылали?

– Бывало.

– Ты ходил?

– Нет, конечно.

– Разумеется. После этого можно обидеться. Можно самому послать. Можно даже ударить наглеца. Вернее, иногда просто необходимо его ударить. Ударить сильно, и как сказал

классик: "...так чтоб из носа потекла юшка. Обязательно чтоб потекла." Но совершенно не обязательно туда идти. – В речи его собеседника, вдруг появился одесский говорок.

– Так и что мне надо было делать? – Улыбнулся Антон.

– Не уходить. Это, по-моему, очевидно. – Его странный знакомый и с удовольствием закинул ногу на ногу.

– Ну, он все равно уволил бы. – Антон попытался сразить собеседника логикой и снисходительным тоном.

– Может и уволил бы, а может и нет. А может его завтра бы кондрашка скрутила бы или самого уволили. Да мало ли чего могло бы быть. А так ты только ему помог. Еще и заявление писал. Писал ведь?

Писал Антон заявление. Несколько раз переписывал и всё комкал листы бумаги и бросал их в мусорную корзину. А секретарша босса Юлечка, недоуменно смотрела на него и выдавала новый лист, раз за разом.

Собеседник же Антона с какой-то тоской смотрел в небо и бормотал, нечто непонятное –

Хлебы смерти тебе предложат,

А ты не ешь;

Воду смерти тебе предложат,

А ты не пей...

– Ну, он сказал, что так будет лучше ...

– Я про это и говорю. – Он почти кричал – Не знает он, как будет лучше. Не может он этого знать!

Полицейские испуганно посмотрели в их сторону и почему-то заторопились. Но заторопились не к ним, а совсем в другую сторону. И быстро ушли с маленькой площади на которой сидели Антон и его неожиданный знакомый.

И вдруг выглянуло солнце и почему-то запахло весной. И так стало от этого запаха тоскливо, как будто природа прощалась и напоследок одаривала его тем, что он никогда больше не переживёт.

– У тебя есть ещё водка? – Спросил Антон глухо.

– Ещё? Да ты эту даже не начал. – Захохотал незнакомец.

И действительно в руках Антона была непочатая бутылка. Только этикетка была не та. Похожа, но другая – "Очищенное вино. Наследниковъ А.А. Коровкина въ Калязине".

– Как тебя зовут? – Спросил Антон, закуривая новую сигарету.

– Меня-то? Да, по-разному, зовут. Ты можешь называть Агафоном.

– Агафон? Серьёзно?

– Если серьёзно, то как меня только не называли. Но Агафоном я стал зваться в 1907 году, когда знакомый околоточный надзиратель, выписывал мне паспорт. Он не захотел вписывать моё, ставшее за много лет привычным, имя и написал созвучное – Агафон.

Антон ещё раз всмотрелся в этого странного человека. Он был одет широченные черные штаны и такого же цвета пиджак, белую в голубую полоску рубашку без воротника, и серого цвета кепку. На ногах его были коричневые ботинки, почему-то без шнурков, а поверх пиджака надет зелёная, драная куртка которая в местах прорех являла миру своё нутро – грязно белый синтепон.

– В каком году? Сколько же тебе ... вам лет? – Переспросил он.

– Удивительно, согласен. – и Агафон снял кепку, под которой обнаружилась неожиданная копна рыжих волос с проседью. – Но ещё более удивительно, что тебя интересует год моего рождения, а не род моих занятий, не мои намерения относительно тебя, ни даже то, откуда эта водка, которую ты пьешь. Ведь я могу оказаться аферистом, например, или серийным убийцей,

который травит случайных прохожих палёным алкоголем. Я, в конце концов, могу быть просто психом, сбежавшим из сумасшедшего дома. Не говоря уже о совершенно глупом, но вполне актуальным в ваше время предположении, что я иностранный шпион. Или, что гораздо хуже, иностранный журналист, пишущий о твоей стране гадости. Ты давно уже, я заметил, обращаешь своё внимание на факты несущественные, но пропускаешь, то что может кардинально изменить твою судьбу. И я начинаю сомневаться, что ты вообще хочешь её изменить. Впрочем, это тебе и не под силу. Но хотеть этого ты, как мне казалось, должен. Или, всё-таки, нет?

Он помолчал, глядя прямо в глаза, но вдруг прикрыв на секунду глаза, вскочил на ноги.
– Пойдем ка пройдемся.

И вот они уже идут по Москве: Антон и странный человек со странным именем. Агафон идёт размашисто, помахивая невесть откуда взявшимся пакетом, не обращая внимание на то что в его ботинках нет шнурков. И ботинки тоже не обращают на это никакого внимания, а напротив сидят на ногах Агафона, как влитые и не думают спадать, а напротив, чётко впечатывая в прозрачный осенний воздух звук своих шагов. Антон же наоборот – то спотыкается, а то начинает подволакивать ногу и потому все время отстаёт.

– Куда мы идём? – У Антона сбилось дыхание.

– Впрочем, – Сказал Агафон, продолжая начатый ещё на скамейке разговор, – То что ты не хочешь ничего менять, по-своему хорошо. Посмотри вокруг.

И Антон посмотрел. Посмотрел и ахнул – вокруг него были могилы. А стояли они рядом с большой усыпальницей. На самом большом памятнике под железной сенью, Антон прочёл: Тимофей Саввичь МорозовЪ.

– Как мы сюда попали?

– О! Это было совсем нетрудно. Мы прошли по Камер-коллежскому валу, потом повернули направо, прошли ещё немного и очутились здесь. Кладбище действующие и пройти сюда может всякий. А вот остаться здесь сложнее. Как ты можешь заметить свободных мест нет и, к тому же, это старообрядческое кладбище. Хотя... После семнадцатого года здесь хоронят не только староверов. Так что если тебе здесь нравится, то я могу, пожалуй, поспособствовать. Кого тут только нет: Морозовы, Рябушинские, Шелапутины – будет весьма приличная компания.

Антон потрянул головой и попытался вспомнить дорогу, которой они шли, но в памяти всплывали только дома, тротуары и пешеходные переходы.

– А зачем мы сюда пришли?

– Ну, до музея Каира, с его дохлыми фараонами и саркофагами, далековато, а это кладбище одно из самых древних в Москве и находилось в двух шагах. Я подумал, что тебе будет интересно, а для нашего разговора нужен соответствующий антураж. И потом, эти старые могилы прекрасное наглядное пособие.

– Наглядное пособие? – прошипел Антон. – Я тебе школьник, что ли?

В этом странном заявлении про наглядное пособие, было так много спорного и нелогичного, эта дурацкая прогулка на кладбище казалась настолько возмутительной и неуместной, что вопросы и раздражение рвались из Антона, как пена из бутылки с тёплым шампанским. Хотелось одновременно возражать и ругаться, хотелось послать Агафона и уйти самому, но язвить и унижить его тоже хотелось. – Что за ерунда, в конце концов? – Клокотало внутри у него. – Кем он себя вообразил? Паспорт ему выдали в девятьсот седьмом году! На кладбище притащил! Поучает всю дорогу! Куртка драная – не может зашить или купить новую, а ещё учит его жизни. Псих без присмотра! Скучно ему, вот и решил развлечься за чужой счет! Как будто у меня проблем мало! – Хотя, с другой стороны, Антон пил его водку, которой ему так хотелось; тратил он только своё время, которого у него и так было в избытке; никто на кладбище его идти не заставлял; а то что говорил Агафон было, по-своему, спорно, но логично. И главное Антону было интересно к чему Агафон ведёт. Он явно хотел что-то предложить и

это "что-то" странным образом Антона интересовало. От этих мыслей он разозлился уже на самого себя. – Да, есть у меня воля, наконец? Неужели я не могу дать по морде охреневшему прохиндею? Сколько же надо мной будут издеваться все, кому ни лень?

– Так, – Сказал Агафон, спокойно. – Эдак мы ни к чему не придём. Если тебе не нравится это место, мы можем выбрать дорогой ресторан, и я даже оплачу счёт. Если ты устал и не хочешь продолжать разговор, то я вызову такси и можешь ехать домой. Но мне показалось, что тебе нужна работа, а я намерен тебе её предложить. И заметь, всякий работодатель отнимет твое время и силы, не давая тебе никаких гарантий взамен. Я же, уже готов сообщить тебе, что ты мне подходишь и всего лишь хочу тебя ввести в курс дела и объяснить твои должностные обязанности. Более того, именно я, в данный момент, буду ждать твоего ответа, а ты, в свою очередь волен выбирать – готов ты взяться за эту работу или предпочтёшь отказаться. Что же касается моей куртки ... Изволь.

Агафон скинул куртку на землю и достал из пакета красивый серый плащ и надел его, потом аккуратно сложил драную куртку и сунул её в пакет.

– Так лучше? – спросил он, оглядывая себя. – Ботинки, конечно, не подходят, но их я менять не стану. Ноги, видишь ли, побаливают от тесной обуви. Много приходилось ходить пешком и всегда они, либо опухали, либо покрывались мозолями. Лучше бы босиком, но здешний климат не располагает, да и смотрят косо на босого. Итак, ты готов меня выслушать?

Антон молчал.

– Наверное готов. – Заключил Агафон. – Почему кладбище, спрашивал ты? Это просто – Каждый человек оказавшись на перепутье, а ты находишься сейчас перед выбором, хотя и не понимаешь до конца насколько много зависит от твоего выбора, задумывается о конечной точке своего пути. А конечная точка, что бы ты о себе ни вообразил, – это кладбище. И глядя на могилы, причём на могилы людей деятельных, влиятельных, и многое сделавших, волей не волей, приходится примириться с мыслью, что после того, как твой земной путь закончится, жизнь, то есть сам процесс, именуемый жизнью, будет продолжаться. И что больше всего раздражает всякого человека, считающего себя центром вселенной, продолжаться она будет уже без его участия. Как бы ты мало не участвовал в жизни, ты всё равно уверен, что без тебя всё остановится или, как минимум, будет уже не то. Но посмотри вокруг – ты не знаешь ни имён, лежащих здесь ни чего они когда-то добились. Миллиарды людей, и ты в том числе, продолжают жить, невзирая на их уход. Вот, – кивнул он в сторону надгробия. – Его отец выкупил себя и своих сыновей из крепостной зависимости, за гигантскую сумму в семнадцать тысяч рублей. Ты же, чтобы уволиться, извёл бумаги на несколько копеек и забыл отдать секретарше начальника десятирублёвую ручку, которую до сих пор таскаешь с собой. В семьях старообрядцев было не принято пить и курить, они много работали, у них в семьях было много детей, которых воспитывали в строгости и почтении к родителям. Сень над надгробиями сделана по проекту самого Шехтеля...

– И что ты мне предлагаешь? – Перебил его Антон. – Умереть вместо такого же предпринимателя, потому что моя жизнь бестолкова и никому не нужна? Или отдать какому-нибудь новому Морозову или Мамонтову своё сердце, что бы он мог прожить подольше и облагодетельствовать человечество новым МХТом или купить ещё сотню картин в Париже, которые он потом подарит России, чем заслужит себе благодарную память потомков? Это та работа, которую ты хотел мне предложить?

Тихо было на кладбище, пела одиноко трясогузка, да ветер шелестел листвою.

Агафон смотрел вверх и шевелил беззвучно губами. Потом его слова обрели звук, и Антон услышал: «Я ошибся в тебе, ты недостойн быть равным богам! Ты отказался от хлеба жизни и воды жизни и сам лишил себя бессмертия, которым я думал тебя наградить. Ты принял от меня чистые одежды и душистый елей, а для вечной жизни они не нужны. Только босой

и нагой, молчаливый и бесстрастный может тихо и бесшумно войти в преисподнюю и выйти из нее обратно.

Он посмотрел на Антона и сказал спокойно, слегка улыбаясь глазами, которые были уже не чёрного а оливкового цвета.

– Нет, твоя смерть не продлит никому жизни, а сердце у тебя больное и никому не нужно. Но ты обладаешь тем, чего не хватило лежащим здесь, для исполнения их замыслов. Знаешь, что отличает тебя от всех мёртвых? Ты ещё можешь, что-то изменить, а они уже нет. У тебя есть время жизни. Оно даётся всем, невзирая на талант, красоту и силу. И каждый волен распоряжаться им по собственному усмотрению. Это – дар! Не долг, не кредит или ссуда, как думают иные. Его можно отнять, можно спросить – Как ты им распорядился? – Но он уже твой и только ты решаешь, что с ним делать... Но мы увлеклись разговором, я полагаю, что нам и впрямь стоит передохнуть и, пожалуй, перекусить, чем Бог пошлёт.

При выходе с кладбища их ждала машина. После бутылок с водкой прошлого века, после рассуждений о давно умерших предпринимателях, причём рассуждений, в таком тоне, будто Агафон знал их лично, после предложения упокоится на этом старом кладбище, Антон был уже готов к чему угодно: к тому что там будет карета с конным эскортом и лакеями на запятках, или лимузин с сопровождением и вооруженной охраной... Но их ожидала обыкновенная киа и простой таксист за рулём. Единственное, что отличало его от собратьев таксистов, это то, что за всю дорогу он не произнёс ни слова. Ни Агафон, ни Антон, также не разговаривали. Так в полном молчании они приехали на большую Лубянку. И вот они сидят в ресторане, а между ними столик заставленный всевозможной едой и несколькими графинчиками с прозрачной жидкостью.

– Старик, ты пойми, – говорил Агафон – в том, что я тебе предлагаю, нет ничего особенного. Если не вдаваться в подробности, то это просто работа. Сколько часов ты тратил на сидение у себя в офисе? Восемь? Девять? А задержаться после окончания трудового дня? А поработать в выходные? И ведь эти лишние часы или дни тебе никто не оплачивал, как я понимаю? А дорога туда и обратно? А мат и понукания начальства? Так вот, ничего этого больше не будет! Работаешь на дому и никакого метро с его давкой в час пик. Оплата, как говорится, сдельная. Из начальства только я, или кто-то из моих помощников. Но мне, а тем более им, нет никакого смысла на тебя повышать голос. Ты будешь справляться со своими обязанностями, как нельзя лучше. Это я тебе говорю!

– Так что мне надо будет делать? – Антон уже здорово набрался и плохо соображал, но его собеседник все никак не хотел объяснить, в чём будет состоять суть его будущей работы.

– Да не торопись ты – Засмеялся тот – Об этом успеем ещё. Об этом и токовать-то не интересно. Потом я же уже тебе сказал, что мне от тебя нужно, но ты опять хлопал ушами. Поверь мне – он делал ударение на " Мне" – Ты справишься. Главное не то что ты будешь делать. Ты ведь, по большому счёту, делать ничего не умеешь. Зачем же мне заставлять тебя выполнять, какую-то работу, если ты все равно её выполнить не можешь? – Он ловко разлил по рюмкам водку, и красиво чокнувшись с Антоном, лихо эту водку опрокинул себе в рот – Твоя бывшая контора брала у тебя то же, что и я хочу от тебя получить – твоё время! Но они его тратили бестолково, потому что не знали, как им распорядиться. И пытались свалить всё на тебя. А я знаю! И ничего сложного поручать тебе не буду. Нет смысла набирать кучу людей, чтобы запереть их в офисе, если никто из них ни хрена не шарит в том, что им поручено. А есть люди, которые знают, что надо делать и умеют это делать хорошо. Им просто – Агафон сделал паузу и продолжил, выговаривая каждый слог – Не хва-та-ет-вре-ме-ни.

Он стал накладывать Антону в тарелку мясо.

– Ты ешь-ешь! Закусывай. Не хватало ещё, чтобы ты язву себе заработал. Ты мне здоровый нужен.

– Ну, если я ничего не умею делать – Антона несколько покорило, то что на нём так легко поставили крест и в его пьяных интонациях появилась задиристая обида. – Чем же я буду заниматься в рабочее время? На этот вопрос, ты уж, пожалуйста, будь добр ответить!

– Не ори. – Агафон налил ему ещё рюмку. – Хочешь, чтоб я ответил? Я отвечу. – Он выпил и вкусно закусил квашеной капустой. – Но начну с другого конца. Я скажу, для начала, чем ты не будешь заниматься в рабочее время: ты не будешь его тратить на себя. Потому что оно уже будет не твоё.

– Значит главное не заниматься своими делами на работе, так я понял? Значит я могу просто на жопе сидеть, а ты мне всё равно будешь за это платить?

– Именно! Ты можешь сидеть на жопе, а я тебе ещё и подушечку под неё подложу. Можешь сидеть, можешь лежать на любом боку. А моя забота в том, чтобы ничего тебя от этого лежания не отвлекало. Ну что, по рукам?

Глава вторая

После их разговора в ресторане прошло чуть меньше суток. Агафон дал Антону отлежаться и немного прийти в себя после выпитого, но уже ближе к вечеру в его дверь позвонили. Одновременно зазвонил и мобильный телефон. Поскольку телефон был ближе, то сначала Антон взял его, уже на ходу натягивая штаны двинулся к двери, и одновременно ответил на звонок.

– Антон, открой дверь. – Голос на том конце был деловит и дружелюбен.

Дверь Антон открыл, ожидая увидеть на пороге своего вчерашнего знакомого, но там стояла милотидная блондинка с короткой стрижкой. Руки её были заняты полиэтиленовыми пакетами.

– Её зовут Полина, – Не умолкал голос в телефоне. – Сам не смог, извини. Но она умница и всё сделает в лучшем виде. Вернее, вы оба сделаете.

– Что сделаем? – Голос у Антона сел ниже возможного уровня. Если бы голос у него не сел, а лёг, к примеру, то он всё равно находился бы сейчас выше. Всё утро, вспоминая вчерашний вечер в ресторане, он так и не смог вспомнить главного: что же за работа ему предстоит, на что он согласился, и что от него ожидает его нынешний работодатель? Главное, что его память сохранила весь вчерашний разговор, от скамейки на которой они познакомились, до того момента, как Агафон усаживал его пьяного в такси, а он всё повторял: " Ищу работу. Готов спать за еду." И сам же смеялся над своей шуткой. Хотя шутка была и не его вовсе, но картинка с котиком искавшим работу, в тот вечер всплыла в его голове и утонула только когда сам он погрузился в пьяный сон. Кроме этой картинки он также, мог дословно повторить, что ещё говорил он, что говорили ему, и даже что пела барышня из колонки в углу зала, но помня все это, он не мог вспомнить о чём конкретно они договорились. За кучей мелочей терялось самое главное. Вернее, даже не терялось, а никак не складывалось. Такое впечатление, что ему предложили кучу простых и понятных деталей, но он никак не мог разобрать инструкцию или чертёж и понятие не имел, что из этой груды составляющих должно получиться.

– Антон, ты меня слушаешь?

– Да, конечно! А что ты говорил?

– Пока ничего, но, когда я стану говорить, я хочу, чтобы ты слушал. Не отвлекайся на девушку – она на работе, так что можешь не втягивать живот. – Агафон усмехнулся, а Антон рефлекторно втянул-таки живот.

Полина в этот момент укладывала в пакеты продукты из холодильника.

– Так надо. – Продолжал Агафон инструкцию. – Это только в первый раз, чтобы тебя не потянуло к холодильнику. Потом это, скорее всего, уже не понадобится. Ты сам будешь готовить себя и квартиру к работе. А пока пусть лучше Полина уберёт всё, что может тебя

отвлекать. Или, вернее, увлекать. Хотя этого в твоей жизни почти нет. Ты спрашивал меня, почему именно тебе я предложил работу? Так вот именно поэтому. Ты, как никто другой, умеешь тратить время впустую.

Девушка – блондинка, не произнесла, в отличие от Агафона ни слова, и продолжала заниматься своими, понятными только ей и, конечно, его нынешнему начальнику, делами. В этот момент она копалась в его компьютере. Антон было рывнулся остановить её, но голос в трубке его одёрнул. – Не мешай ей. Ни история твоего браузера, ни фотки твоих девушек, нам не интересны. Она отключит интернет и установит тебе на компьютер всякой ерунды для работы. Телевизора у тебя нет – это плохо! Сейчас уже не успеем, но днями, привезём тебе большую плазму. Телевизор в твоей работе штука крайне необходимая. Потом поймёшь.

Полина прошла по его квартире, осмотрела её и удовлетворённо кивнула.

– Тогда можем начать. – сказал Агафон. – Садись, мой дорогой, за компьютер.

Антон сел к столу и недоумённо стал смотреть на монитор. Он смотрел и ничего не понимал: Полина поменяла заставку, теперь вместо фотографии орбитальной станции с космонавтом в открытом космосе, на экране двигались, какие-то полосы, создавая иллюзию движения с большой скоростью, и был открыт пасьянс.

– Это косынка. Ты ведь умеешь её раскладывать? – Спросил его новый шеф.

– Разумеется.

– Это замечательно! Я был в этом уверен. Значит не придётся учиться – сэкономим время. Время в нашем случае – это деньги, в самом прямом смысле. Ты начинай пока.

– Что, просто раскладывать? Надо, чтобы сошлось, как я понимаю?

– Надо, Антон. Конечно надо. – Радостно подтвердил Агафон. – Главное не заморачивайся. Обязательно сойдётся.

Антон обернулся на Полину, которая стояла у него за плечом, но смотрела не на экран, а на него.

– Поехали, поехали, не отвлекайся на девушку. – Продолжал инструкцию Агафон. – Пора начинать.

На самом деле, говоря: "Разумеется", Антон немного лукавил – он давно уже не раскладывал этот пасьянс и плохо помнил, как это делается. Некоторое время он бессмысленно водил курсором по экрану, не понимая, как и с чего начинать. На помощь пришла Полина, она молча показала пальцем на окошко ПОДСКАЗАТЬ ХОД и дело, потихоньку, пошло. – Там есть, какие-то хитрости. – Вспоминал он. – Туз нужно положить наверх. Карту лучше снимать с самой большой стопки ... Или нет? Если положу валета, то под ним будет пустое поле и можно будет туда переложить короля из правого ряда ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.